

Популизм.

Народ определяется общностью территории проживания, общностью политического управления, общеупотребительным языком и обычаями, общим родовым или племенным происхождением. Этими признаками один народ отличается от других народов. Территориальная привязанность и этнографическая определённости и узнаваемость поведения, телосложения, одежды и других характерных особенностей позволяет также определять народ как население определённых территорий, также называемых землями (землячествами), странами и государствами. Народ или население этих земель, стран и государств является популяцией, жителями. В греческом имелись различные слова со сходным значением: ἔθνος этнос – множество людей, связанных общим местом проживания, раса, нация; λαός лаос – люди, население страны; δῆμος демос – коммуна, община*. В этом общем названии суммировалось то общее, что отличало один народ от другого. В λαός подчёркивалась собственная идентичность по отношению к другим народам, этносам; от λαός происходят Ἑλλάς и Ἑλλάδα. В отличие от λαός, население, δῆμος был населением общины, как правило горожанами, объединёнными не только местом проживания, но и общим владением, будь то их политическое устройство, земля или созданное на этой земле. Смысл общего, объединяющего имеют однокоренные слова δέμα лента, верёвка (что ассоциируется с родственной (кровной) или племенной связью); δέμας (живое) тело, фигура; δέμω строить, конструировать; ἐνδημέω быть на родине, в своём доме. Кроме того, λαός был простонародьем, противопоставляемым знати того или иного рода, например κληρός, т.е. наследниками того или иного имущества или знания. Выделение из

простонародья происходило путём посвящения, приобретения или наследования по завещанию. В коммуне было также деление на простых жителей коммуны – δημότης, и их правителя или президента – δήμαρχος. Основанием или обоснованием общественного порядка было право владения и распоряжения имуществом, землёй и людьми, легитимизируемое обычаями или письменно. Например κλήρος обозначал также камень или черепок, на котором каждый участник выборов по жребию наносил свой знак или своё имя. В других случаях, должности и богатство распределялись не жребием, а выборами и распоряжениями, будь то единоличными или коллективными (δημόκραντος). Общественный порядок заключался в форме и процедуре принятия решений по тому или иному правовому вопросу, и требовал разделения на принимающих решения, т.е. сведущих и уполномоченных, с одной стороны, и простолюдинов – с другой, иначе говоря, на управляющих и управляемых, или на командиров и подчинённых. Правление же не сведущих, не уполномоченных, и неимущих считалось неприемлемым и вырождением общественного порядка – δημοκρατία, λαοκρατία, ὀχλοκρατία, ἀναρχία.

Однако как правление народа, так и управление народом является оксимороном, только называемом по-разному: демократия, олигархия или бюрократия, но по содержанию, т.е. относительно индивидуума, являющимся неразумностью, бессмысленностью, алогизмом. Деспотизм – конечная стадия всякого правления и управления, независимо от того, какими бы справедливыми и благожелательными они были в начале. Выделяясь из народа или объединяясь в народ, единоличный или коллективный правитель создаёт ад для управляемого, каковым всегда является единичный человек, жаждущий сохранения своей един-

ственности и цельности, возможности волеизъявления и самополагания в соответствии с собственными потребностями и представлениями о благе. Ограничивая его право на самоопределение, правление уравнивает его с тем и теми, чем или кем он не является и не хочет быть. Что может быть естественнее, чем право быть самим собой? Между тем это право не гарантирует как государство, так и не- или анти-государство, анархия.

Разрешить эту понятийную запутанность позволяет слово „сам“, используемое в качестве приставки: самоуправление. Самоуправление подразумевает отсутствие внешнего управления при условии возможности управления собой, т.е. самообладания. Среда, будь то естественная или искусственная, определяет поведение, и в этом смысле исключить её влияние невозможно. Но среда среде рознь: в одной среде человек чувствует себя как рыба в воде, в другой он лишён свободы передвижения и дыхания. Поэтому среда жизни людей, а таковой является социальная среда или общество, должна быть приспособлена к их природе, к их нуждам и телесным формам, а не противоречить им и стеснять их. Целью общества должно стать содействие достижению способности самоуправления и самообладания, препятствием к чему всё ещё является командный стиль управления и попытки реализовать управленческий абсурд того или иного толка.

Популяции животных, не смешиваясь между собой, делят один биоценоз и дополняют друг друга в нём. Изучению популяций положил начало Charles Darwin на примере Галапагосских вьюрков. Подобные отношения существуют в популяциях людей, разделённых на сословия, т.е. группы или классы, отличающиеся друг от друга по уровню владения и

образования, а также обособленных по интересам, этническому происхождению, профессиональной принадлежности и т.п. Вся эта разнородность кажущаяся, и упраздняется, с одной стороны, фактом принадлежности всех людей к одному биологическому виду, т.е. возможностью спаривания, с другой стороны, стремлением одной части популяции контролировать и управлять другой её частью. В случае родителей это стремление оправдано и естественно, во многих других случаях оно противоестественно, поскольку объектом управления, часто вырождающегося в насилие, оказываются люди взрослые и правоспособные. В подобных попытках управлять и направлять проявляются психопатические тенденции правителей, которые оказывают губительное влияние на общество и его членов, деформируют психику здоровых людей.

Так же как и в других патологических случаях, необходимо препятствовать распространению психопатий среди людей. Главным инструментом противодействия нездоровым тенденциям служит просвещение, т.е. образование и распространение выверенного знания, которое должно дополняться институционально, т.е. сохранением его предпосылок в структуре общественных установлений и отношений. При этом необходимо избегать косности, т.е. утраты способности этих институтов изменяться и адаптироваться в соответствии с меняющимися условиями и представлениями, отчего происходят революции и социальные потрясения.

Одной из болезней адекватного общественного устройства является популизм. Как было установлено прежде, народ или население – это тот

субстрат, на котором произрастает как справедливое, так и несправедливое общество, и забота о предотвращении злокачественного перерождения и состояния состоит в содействии способности самоуправления и самообладания. Что же происходит в случае восхваления народа, часть которого такой способностью не обладает, а другая часть может утратить эту способность, если её не культивировать? На подмостки такого самовосхваления выходят люди, способные увлечь слушателей и зрителей своим красноречием, и повлиять на их поведение в смысле упразднения устоявшегося порядка. Подобное красноречие известно со времён Перикла, однако приобрело отрицательный смысл с пониманием взаимосвязи между демагогией и демократией, а δημαγωγός демагог стал именем нарицательным лжеца и обманщика.

Другой формой того же явления можно считать народность деспотов, которые лестью и подкупом удерживают единоличную или олигархическую власть. Создавая иерархии и противопоставляя одну часть народа её другой части, они правят по принципу „разделяй и властвуй“.

Как уже установил Платон в трактате Πολιτεία, всеобщая безответственность демократического правления сменяется тиранией, и в этой поочерёдной смене наихудших общественных форм совершается историческая стагнация до нынешнего времени, хотя её причины ясны как божий день. Перейти же в более совершенное состояние общество самоуверенных лжецов неспособно по определению. Прекратить вратъ для них также невозможно как невозможно обретение совести для

бессовестных, или ума для неразумных. На „Народ – дурак!“ народ–дурак отвечает „Сам дурак!“ На этом всё его развитие и заканчивается.

Показательным случаем подобной остановки развития и движения вспять является Франция, в конституции которой уже не один век устанавливается: „La France est une République indivisible, laïque, démocratique et sociale“, что подобно маслу масляному, поскольку laïque, démocratique, и sociale синонимичны друг другу. Что касается слова république, то в нём потеряна буква с, как уже замечалось прежде: res publica. Французские же laïque и laïcité происходят от греческого λαϊκός народный, производного от существительного λαός и глагола λάω хватать, захватывать, держать, в отличие от глагола δέμω строить, конструировать.

Однако всякая революция сопровождается не только захватом власти, но прежде всего её разрушением, чтобы на месте установившихся отношений и институтов воздвигнуть новые, справедливые и демократические, как представляется революционерам. В отличие от иллюзий справедливого переустройства общества, анализ революционных побуждений, произведённый Sigmund'ом Freud'ом в Totem und Tabu (1913) демонстрирует непрерывное проявление в истории Эдипова комплекса, т.е. психогенетических программ, посредством которых в стае животных устанавливаются отношения доминирования и сексуального выбора (отбора). Согласно этому анализу, революции преследуют цель смены вожака в чередё поколений, что происходит в процессе непрерывной конкуренции между самцами одной популяции за лидерство. Подобная смена лиц на вершине политических пирамид происходит в

процессе демократических выборов, в результате революций, или насильственного захвата власти при так называемых государственных переворотах, однако суть командно-административной системы от этого не меняется. Что и демонстрирует история Франции со времён великой французской революции 1789 года.

На Руси также были свои просветители – народники, и свои революционеры – народовольцы. Немногим более чем 100 лет после французской революции случилась революция в Российской империи, на смену которой пришёл СССР, т.е. коммунистическая империя, которая была разрушена в результате Эдипального замещения, осуществлённого переродившейся партбюрократией, создавшей в ходе перестройки демократическую уголовно-феодальную химеру, кроме того сочетающую в себе элементы прежних государственных образований, т.е. как СССР, так и Российской империи, как это и бывает в кошмарных снах. Так называемая Российская Федерация представляет собой коллективный сон разума, рождающий чудовищ, как установил Francisco José de Goya во времена великой французской революции и ещё до Sigmund'a Freud'a : *El sueño de la razón produce monstruos*.

Однако сон разума наблюдается не только в СССР, но также повсеместно, где демократия рождает химер. Пример тому – Европейские государства, являющиеся продуктами полураспада Римской империи, причём обретение независимости Грецией в 1829 году повторяет историю с отделением её Восточной части от Западной, что впоследствии перешло в противостояние Запада и Востока или Руси и Европы. Этот распад Римской империи продолжается до сих пор, что конечно европейцы понять не

могут, поскольку у них нет науки, посредством которой возможно такое понимание. Вместо науки – эклектика, где всё беспорядочно перемешано, и европейские химеры лишь результат такого сумбура.

В то время как русский язык и его алфавит стали продолжением и развитием греческого языка и алфавита благодаря стараниям учёных университетского уровня, европейские языки представляют собой химерические формы латинского различной степени деградации, и предоставлены стихии народных масс. Итальянский подобен латинскому как *simple english* английскому; в последнем деградация латинского достигла максимума, и продолжается в американском, в котором уже всё настолько перемешалось, что говорящие на этом языке не понимают смысла ими говоримого. Языковая инфляция всех этих латинских химер привела к потере смысла, что и проявляется в культурном и интеллектуальном упадке на диком западе.

Впрочем упадок не исключительное качество запада, поскольку письменности и языки востока, будь то китайский путунхуа или мандарин, арабский или ивритский, по степени отсталости и смысловой размытости или даже бессмысленности сопоставимы с английским и французским. Не случайно Североамериканский Союз в лице его президента и буржуазно-коммунистический Китай в лице его народных представителей не могут договориться о том, кто из них является лидером и командиром на планете Земля. Однако конкурентная борьба за территорию доминирования отражает лишь степень одичания этих народов, проявляющимся в их государственных строях, псевдокультурах и лженауках.

Поскольку J. K. Rowling в равной мере читают и почитают как на востоке, так и на западе, она по праву репрезентирует литературную традицию, дошедшую до абсурда. Оказывается, мы с ней ровесники, но, слава богу, не единомышленники и не конкуренты. Я пишу для людей образованных, а таких очень мало, она пишет для всех остальных. Её творчество – это симптом болезни, которая именуется Thatcherism, т.е. бездарность, глупость и фригидность. Количество читателей написанных ею книг и зрителей кинофильмов о Harry Potter'е красноречиво свидетельствует о декаденсе, т.е. об интеллектуальной деградации, психической регрессии и закате цивилизации, о чём уже много говорилось и писалось, но по понятным причинам забылось, т.е. подверглось вытеснению в сферу бессознательного, где вместе с ощущением собственной ущербности находятся многие другие факты и мысли, неприятные публике. Контингент читателей глупости, производимой на свет Joanne Rowling и ей подобными, состоит из бездумных потребителей не только чтива, но также прочего мусора, производимого обезумевшим пролетариатом, дорвавшимся до власти, чья жадность и прожорливость растут вместе с отрицанием реальности. К этим отрицателям реальности относится также выжившая из ума старуха, всё ещё называемая королевой Великобритании, хотя об окончании британской монархии объявлено 21 февраля сего года. Многие британцы ещё пребывают в Королевстве и в Евросоюзе, хотя они уже умерли и покоятся в мире – R.I.P. В этом смысле желаю также матери Harry Potter'а успокоения от рождения всё новых литературных уродов и замусоривания пространства, предназначенного отнюдь не для мусора.

Что касается прочих производителей бестселлеров и кино-хитов, победителей на демократических выборах, и призёров нобелевских комитетов, они лишь следствия народно-демократического несчастья, т.е. безумия и беснования народных масс, лишивших себя всяких авторитетов и упражняющихся в самолюбовании посредством технических средств печати, телевидения и интернета. Для них нет будущего, поскольку они переоценивают себя и своё существование, для них сейчас – всё, завтра – ничто. Они увековечили сегодня, распространили его на будущее. Будущее для них – предмет страха и забвения, поскольку в нём их нет, они все неотвратимо умрут и исчезнут. А сейчас, сегодня – это их рай, в котором можно забыть о завтра.

В этом забвении истины и времени состоит задача народно-демократической философии, этики и эстетики, унаследовавших нейросифилис при рождении: ведь F. W. Nietzsche всё ещё находится в центре западного безумия, и из этого сифилитического источника черпают лжеучёные и лжеучения, будь то Y. F. Fukuyama или постгуманизм. Их коллективная ложь – не безбожность и не кризис веры, и не скептицизм, а нигилизм, беспочвенность, безграничный релятивизм, тотальное неверие и недоверие, неспособность трансцендировать и рефлексировать, т.е. выйти за пределы своего Я, взглянуть на себя со стороны. Отсюда неспособность самокритики, самопожертвования, страсть к наживе и обогащению, жадность, которая мать жестокости.

Наглотавшись немецкого дерьма, один русскоговорящий Иван-дурак, мнящий себя философом, поучающе рассуждает, опуская точки над буквой ё: „Исследованию подлежит только сущее и более – ничто... Как

обстоит дело с этим Ничто? Случайность ли, что мы невзначай вдруг о нем заговорили? Вправду ли это просто манера речи – и больше ничего?» ... Давайте прочитаем вопрос с ударением не на слове СУЩЕЕ, как мы читали до сих пор, а на слове ЕСТЬ. Почему Сущее ЕСТЬ, а не наоборот Ничто? Что означает это «есть»? Что означает то, что сущее «есть»?“

Отвечаю. «Почему есть Сущее, а не наоборот Ничто?» – это детский вопрос: ничто не существует, потому что ничто не может существовать, потому что оно – ничто, а люди, которые пытаются найти ответ на этот вопрос блуждают уже не в трёх, а в двух соснах. Само противопоставление сущего и ничего происходит на основании того, что всё сущее, в связи с чем и возникает иллюзия, что ничто подобно сущему, существующему. „Философия“ Martin'a Heidegger'a – это просто детский лепет, а „философия“ F. W. Nietzsche – бред сумасшедшего, возмнившего себя в бреду философом. Однако вопреки этой очевидности русскоязычная (но отнюдь не русская) Википедия безоглядно врёт и одновременно вопрошает: „Мартин Хайдеггер – немецкий философ, давший новое направление[какое?] немецкой и общемировой философии, является одним из крупнейших философов XX века.“ (по состоянию на 6.08.2019)

Если Martin Heidegger – один из крупнейших философов XX века, то кто же Андрей Полеев, упорно замалчиваемый Википедией? А Андрей Полеев, т.е. я, является гением и представителем русской элиты, принадлежность к которой Ломоносова, Пушкина, Достоевского, Менделеева, Сахарова неоспорима. Поэтому он отсутствует как в Википедии так и в своём отечестве.

Выделяясь из народа, всякая элита обязана способствовать народному развитию, движению и обособлению, чтобы иванушки-дураки не пребывали на печи, где они даже в русских народных сказках не остаются, совершая небывалые путешествия и геройские деяния как будто не по собственной инициативе, а только по воле сказочника. Особого упоминания заслуживает ещё то обстоятельство, что в этих сказках можно найти прообразы всех тех технических новшеств, появлению которых на свет божий они несомненно способствовали: автомобили, телевизоры, телефоны и самолёты. Именно поэтому всякому народу нужны повествования о небывалом и невозможном для пробуждения из того сна, который именуется современностью и повседневностью.

* 1218 δῆμος démos (from 1210 /déō, "to bind, tie") – people bound (tied) together by similar laws or customs (like citizens in an ancient Greek city forming an assembly, cf. 1577 /ekklēsia).

In the NT, 1218 (démos) refers to people unified in conviction and showing it in public opinion, i.e. their "collective persuasion."

[1218 (démos) is the root of the English word, "democracy." Ancient Greek used 1218 (démos) for "the body politic" (J. Thayer).]